

— Бабушка, сегодня, няня говорит, опять Сочельник, можно нам с Мишей...

— Постничать? Можно и должно, — сказала бабушка, — но сочельничать со мной не сможете.

— Бабушка, душенька, позволь, ты увидишь, что сможем, нам так хочется!

— Саша, детям обыкновенно хочется более того, что они могут исполнить; послушай, дружок мой, — говорила старушка, притягивая девочку к себе за руку, — пока ты мала, то хоти и желай исполнять обряды наши, это хорошо, когда же вырастешь и будешь здорова, то исполняй их по силе своей: постись, сочельничай, ходи в церковь, ставь свечку, подавай вынимать простирку; во всем этом, когда подрастешь, поймешь высокий смысл. Теперь же, пока ты мала, то желай и думай: когда вырасту, стану то и то делать и сочельничать.

— А можно туда, к бабушке, — слышалось несколько детских голосов, и в комнату вбежали трое: Мери впереди, двое братьев её, Серёжа и Алёша, за нею; поднялась суматоха, объятия, поцелуи, шум, смех. Дети эти были также внуки старушки, только не родные, а двоюродные, дети её родного племянника.

— Да что ж это! Пойдёмте играть, — кричала соскучившаяся Мери, таща то того, то другого. — А знаете, — продолжала она, — у нас скоро будут гости, только без кукол!

— Ах, да, Саша, ты знаешь, что придумала Мери? — сказал Алёша.

— Что, что? — живо спросили маленькие хозяева.

Алёша покотился со смеху.

— Она хочет пригласить гостей с тем, — сказал он, — чтоб они приехали в штопаных платьях!

— Алёша! — закричала малютка, бросаясь к брату.

— Право, так, — говорил он.

— Алёша! — кричала девочка, зажимая ему рот.

— Это она всё за Лину заступается, — говорил мальчик, увёртываясь от маленькой ручонки, — а мама говорит: что же делать тем, у кого нет рваных платьев, — тому как быть?

— Саша, Миша! Вы его не слушайте! — торопилась перебить Мери. — Я сказала: мне не нужно, чтобы гости мои были разряжены, пусть приедут в старых платьях!

Бабушка, слышавшая о случившемся с Линой на кукольном вечере, поняла, в чём дело, и сказала:

— Ты, Мери, вот что сделай: сама оденься попроще, ну и самых близких попроси о том же, а охотницам до нарядов ничего не говори, сеголох у тебя будет наполовину, а другая половина оденется просто, так что между ними и Лина не будет отличаться.

Этот совет очень понравился Саше,

ЧИТАЕМ ВМЕСТЕ С ДЕТЬМИ

Владимир Даль Крещенский Сочельник (в сокращении)

и она, прыгая перед старушкой, сказала:

— Бабушка, позволь мне самой с Мери выбрать из моих платьев то, которое я тогда надену.

— Идите, выбирайте, что хотите, только, чур, не комкать.

И вся стая запрыгала и понеслась в детскую. Через час красивые, запыхавшиеся дети опять вбежали к старушке.

— Ах да, бабушка, няня хотела у тебя проситься за Богоявленской водой, это какая вода? — спросила Саша.

— Та, которую сегодня святят за вечерней, — сказала старушка, — до неё ничего не едят, сочельничают; когда выпьют этой воды, тогда начинают есть.

Саша вдруг вспомнила Рождественский сочельник, как бабушка с нею говорила, как ей было хорошо сидеть, приютясь к старушке.

— Бабушка, милая, расскажи нам про Сочельник, помнишь, как тогда!

— Ну, Саша, скажи нам, какая картинка Крещение Господне? На Иордане, — прибавила старушка, видя, что девочка задумалась.

— Ах, это на реке-то! Вот стоит один на берегу повыше.

— Иоанн Креститель, — подсказал Алёша.

— Да, Иоанн Креститель, у него палочка перевязана поперёк крестом, и кончики висят длинные, длинные, он зачерпнул в чашечку водицы и льёт её на голову...

— Господа...

— Алёша, да я сама знаю, — нетерпеливо отозвалась девочка, — и льёт на голову Господа Иисуса Христа, а Он по колени в воде стоит, а над головою у Него птичка...

— Голубь, — не утерпев, подсказал Алёша.

Мери взяла бабушку за обе щеки, и она теперь также вспомнила картинку, и ну целоваться, говоря: «Я это также знаю, и всё это знаю».

— Садись-ка, дружок, подле меня, — сказала бабушка, — да помоги-ка мне рассказать им о Крещении Господнем; вы друг друга лучше понимаете. Затем, обратясь к Алёше, она продолжала: — Да, теперь, после Иоанна Крестителя, крестит каждый священник, но до него никто не крестил; он первый ввёл этот обряд и невидимое для нас дело, покаяние человека, обрядил, то есть, одел, в видимый обряд омовения водою.

— Бабушка, это что такое — пока-

яние? — спросила Саша, пристально глядя на старушку.

— Да вот, пооди, толкуй с вами! — сказала бабушка, тряхнув головой; потом, подумав немного, спросила внучку: — Ты, дружок, когда нашалишь, а потом, поняв, что огорчила папу и маму, ты что тогда делаешь?

— Что же, бабушка, я тогда прошу прощения!

— Ну вот, это то самое, когда пожалеешь, что дурно сделала, да идёшь просить прощения, это и зовётся у людей раскаянием, а раскаяние перед Богом называется покаянием. Поняла ли, Саша?

— Да, поняла, — задумчиво сказала девочка, а потом прибавила: — Когда я у папы прошу прощения, это значит: я раскаиваюсь; когда же прошу прощения у Бога, что я...

— То ты каешься, — подсказала старушка, заметив, что девочка не сладит со словом «покаяние».

— Бабушка, — спросила Мери, — Бог слышит, когда у Него просят прощения?

— Слышит и прощает, если видит, что люди, каюсь, хотят исправиться.

— Послушай-ка, бабушка, — начал Миша, протираясь к старушке, — ты мне скажи вот что: разве большие также каются? Ведь большие не шалят?

— И не шалят, да грешат, дружок, то есть грешат, не делая того, что Господь велит. Вот и в то время, когда жил Иоанн, народ очень грешил; хотя иудеи и писали приказания Божьи у себя на дверях, чтобы всегда видеть и помнить их, но это обратилось у них в один обычай, а исполнять заповедей они не исполняли. Святой Иоанн, живя в степи, в пустынном месте, около Иордана, говорил приходящему к нему народу: «Опомнитесь, бросьте дурную жизнь, покайтесь и принесите плоды, достойные покаяния: вы живёте, как бесплодные деревья, которые напрасно растут; но берегитесь за такую жизнь вашу — наказание близко, секира (топор) лежит у корня дерева, бесполезное дерево скоро будет срублено».

Вы видите, дети, что он говорил, не так просто, как говорим мы; он уподоблял людей деревьям, полезные дела — плодам, наказание — секире; таким языком говорят на Востоке все азиатские народы; слово Божье писано на Востоке же, а потому и писано притчами и уподоблениями. Мало того, что восточные жители говорят иносказательно, но они часто речи свои подкрепляют или изображают делом, и это-то иносказательное дело или действие мы называем обрядом; например: ты, Серёжа, верно, помнишь, что сказал Пилат, когда народ требовал осуждения Господа?

— Помню, — отвечал Серёжа, — он сказал: «Я невинен в крови Праведника Этого».

— Ну а что Пилат ещё при этом сделал? — спросила старушка.

— Он велел подать воды и умыл, при народе, руки свои.

— Вот это-то дело и было уподобительным, обрядливым; понимаешь ли ты, дружок?

— Да, — сказал мальчик, не сводя

глаз с бабушки. — Этим иносказательным омовением рук Пилат подтвердил слова свои о чистоте и невинности своей в деле осуждения Иисуса Христа. Иоанн, от греха, наставлял его, уча доброй жизни, и потом, в знак очищения от греха, омывал кающихся водою. Обряд крещения, несколько изменённый, перешёл и к нам.

— Слушайте же, детки: Иоанн Креститель поселился, как я уже вам сказала, в пустыне, народ сходился к нему отовсюду, иные из усердия к святому человеку, другие из любопытства, посмотреть на пустытника и послушать его дивных речей. Он говорил народу: «Кто вразумил вас бежать от наступающего гнева? Уже и секира лежит при корне дерева, всякое дерево, не приносящее хорошего плода, будет срублено и брошено в огонь; после меня придёт Тот, Кто сильнее меня, Кому я недостойн нести обувь Его. Я крещу вас водою покаяния, Он же будет крестить Духом Святым и огнём. Лопата в Его руке, и Он очистит гумно Своё и соберёт пшеницу в житницу, а солому сожжёт огнём».

Так говорил он, и в народе пробуждалось тёмное предчувствие чего-то близкого, великого; понимая притчу Иоаннову, народ размышлял: обувь — это низшее, последнее в одежде; если же и святой муж недостойн понести обувь Того, Кого он возвещает, то что же это будет? Народ понимал также, что пшеницею называл он добрых и полезных людей, а соломою — пустых тунеядцев; что гумно иносказательно представляет мир, где люди полезные перемешаны с бесполезными, как зерно с мякиной, и что Иоанн ждёт Господина гумна. Однажды утром, когда он крестил и толпы народа собрались на берегу Иордана, он вдруг увидел вдали идущего к нему Иисуса; пророк душой своей узнал Господа и в восторге, подымая высоко руки, закричал народу: «Вот Он! Вот Агнец Божий, взимающий на Себя грехи мира! Вот Тот, о Ком я говорил: после меня придёт Тот, Кто сильнее меня!»

— Я видел картину Иванова, Явление Господа народу! Ах, бабушка, как хорошо! Иоанн точно живой, точно громко говорит народу, а Господь идёт вдали, тихо, тихо, один-одинёшенек, так хорошо, точно спереди картины шумно, а там, вдали около Господа, так тихо! Алёша, ты помнишь, мы вместе ходили смотреть? — спросил Серёжа брата.

— Так вот, дети, — перебила их бабушка, — Господь Иисус Христос, Который сошёл на землю и нам в пример прожил с людьми земную жизнь, Сам на Себе подтвердил обряд крещения, Сам крестился от Иоанна, который сначала отказывался, говоря: «Не Тебе у меня, а мне следует у Тебя креститься!» Но затем исполнил волю Господню, Который сказал: «Так тому быть должно». И когда Господь крестился, то Иоанн видел духом своим небо открытое и Духа Господня, Духа любви, кротости и чистоты, в земном виде, в образе самого кроткого и чистого животного — голубя, летавшего над Господом.

Страничку подготовила Наталья Черепович